

Мать Ша Чунь, Юн Хуань, прибыла с опозданием.

Это была величественная женщина, одетая в черный костюм. Ее серьги и сумка, которую она несла, тоже были черными. Она выглядела до крайности торжественно.

Но в ее торжественности чувствовались только холод и изысканность.

Минг Шу не было в Бюро, когда она пришла. Сяо Юань встретился с ней в комнате для допросов.

Все офицеры, наблюдавшие за тем, как она вошла в комнату для допросов, были несколько ошеломлены.

Ее родная дочь была убита, но Юн Хуань была бледно накрашена, а ее волосы были аккуратно уложены. Ни одна прядь не выпала из прически. В ее глазах читалась тяжесть, но вряд ли это можно было назвать горем или печалью.

Когда Сяо Юань посмотрел на Юн Хуань, он не был сильно удивлен.

В прошлом он разговаривал со многими родственниками жертв убийств. Некоторые из них рыдали так громко, что их крики достигали небес. Некоторые молча скорбели. Некоторые теряли рассудок и впадали в ярость. А некоторые были спокойны, как Юн Хуань; встреча с такими людьми была не такой уж редкостью.

В конце концов, все родители и дети должны были жить своей жизнью. Одни оставались крепко связанными друг с другом, другие со временем отдалялись друг от друга.

У дружных семей были свои проблемы, а у тех, кто отдалялся друг от друга, были свои несчастья. Никто не имеет права критиковать ход чужой жизни.

— Я ничего не знаю о том, как жила Ша Чунь, — начала Юн Хуань.

Ее голос был немного хриплым. В сочетании с покрасневшими глазами это свидетельствовало о том, что она недавно плакала. Но, несмотря на материнское горе, она оставалась спокойной и уравновешенной.

— Она всегда держала обиду на меня и своего отца. Она считала, что было неправильно то, что мы развелись до ее совершеннолетия. Она переехала, когда еще училась в школе, и никогда не приезжала на зимние или летние каникулы. Когда она поступила в колледж, наше общение стало еще более редким.

— Когда вы виделись в последний раз? — спросил Сяо Юань.

Юн Хуань, видимо, предвидела этот вопрос. Она быстро ответила:

— В апреле, три года назад. У моего нынешнего мужа были дела в городе Донгье, и я поехала с ним. Его помощник в городе пригласил нас на концерт традиционной музыки, и Ша Чунь случайно тоже оказалась там.

— Это и вправду было совпадение? — уточнил Сяо Юань.

— Это комично, не так ли?

Юн Хуань горько рассмеялась.

— Мои отношения с дочерью были крайне ненормальными. Я ей не нравилась, и я... честно говоря, я тоже не испытывала к ней особой привязанности. Меня всегда больше волновала моя собственная жизнь. До этого выступления мы не виделись больше года. И когда бы мы ни встречались, то всегда расставались в плохих отношениях по тем или иным причинам. Иногда я спрашивала, не встречала ли она подходящего парня. Но она всегда отвечала, что я не заботилась о ней, когда она нуждалась в моей заботе, а теперь я ей больше не нужна, так что какое право я имею задавать ей такие вопросы?

Юн Хуань вздохнула, затем продолжила:

— Если бы я знала, что она будет на том выступлении, я бы, наверное, не пошла. После концерта мой муж сказал, что это судьба. Он предложил поужинать с Ша Чунь. Но было бы лучше, если бы мы вообще тогда не встречались.

— Что случилось? — спросил Сяо Юань.

Юн Хуань покачала головой.

— Она не хотела нас видеть. Когда принесли наш заказ, она откусила всего пару кусочков и сказала, что ей нужно быть в другом месте. Я спросил, какие у нее дела, и она ответила, что планировала позаниматься игрой на эрху со своим коллегой. Скажите, не считаете ли вы это обидным оправданием?

Сяо Юань воздержался от ответа.

— Она хотела избавиться от меня, и я не пыталась ее задержать, — продолжала Юн Хуань. — После того ужина я больше не общалась с ней. Но я все еще была ее матерью. Я не могла полностью игнорировать ее существование. У меня есть знакомые в городе Донгье, и я иногда спрашивала их, как дела у Ша Чунь. Я знала, что она купила дом и что у нее так и не появился парень. Я знал, что она сама нашла работу в Ассоциации исполнительских искусств. Ее зарплата была не низкой, но и не очень высокой. Ее не хватало денег, чтобы выплатить

ипотеку. Недавно я услышала, что она начала работать за пределами Ассоциации, чтобы заработать еще немного. Я подумала, что если ей не хватает денег, то я могла бы...

Юн Хуань на мгновение замолчала, а затем подняла голову. Она подождала, пока слезы на ее глазах утихнут, и сказала:

— Я никогда не думала, что она вот так нас бросит.

— Вы сказали, что ничего не знаете о том, как Ша Чунь прожила свою жизнь, — сказал Сяо Юань. — Но на самом деле это не так.

Наконец, Юн Хуань пришлось вытереть салфеткой уголки глаз.

— Беспомощность и безнадежность, которые описывают другие в моей ситуации, для меня похожи на удары по вате. Вот на что похоже мое горе. Наверное, я не слишком расстроена, но во мне кипит печаль. Я не знаю, как выпустить ее наружу. Я действительно мало чем могу помочь в вашем расследовании. Я могу только попросить вас найти ее убийцу и позволить мне упокоить ее. Как мать, я полный и абсолютный неудачник. Это последнее, что я могу для нее сделать. Я хочу сделать это хорошо.

— Нет, вы определенно можете многое сделать, чтобы помочь нам. Например, дать нам более полное представление о Ша Чунь, — сказал Сяо Юань. — Была ли Ша Чунь трудолюбивой с юных лет?

Юн Хуань выглядела немного озадаченной.

— Трудолюбивой?

— Точнее, — поправил Сяо Юань, — пожалуйста, расскажите о том, какой ученицей была Ша Чунь.

Юн Хуань опустила голову и начала вспоминать.

— Полагаю, она была очень трудолюбивым ребенком, этого нельзя отрицать, — начала она. — Правда, Ша Чунь не отличалась особыми способностями. Учителя хвалили ее только за "прилежность". Знаете, когда учитель оценивает ученика, первым словом, которое он произносит, всегда является его лучшее качество. На протяжении всей жизни учителя Ша Чунь всегда оценивали ее как трудолюбивую, старательную и усидчивую.

— Но никогда не называли "умной", — сказал Сяо Юань.

— Именно так. Когда она училась в средней школе, у нее были очень умные одноклассники.

Она прикладывала в несколько раз больше усилий, чем другие ученики, но все равно не могла сравниться с ними по результатам тестов, — сказала Юн Хуань. — Я не оказывала на нее особого давления. Даже если бы ее оценки не были впечатляющими, мы с отцом смогли бы отправить ее за границу благодаря нашим связям. Но она стремилась к успеху. Если она плохо сдавала какой-либо предмет, она готовилась так, будто от этого зависела ее жизнь, чтобы лучше сдать следующий экзамен. Ей не нравилось полагаться на нас, я это понимала. Но ее энтузиазм и усердие были искренними.

— Как будто от этого зависела ее жизнь, — медленно повторил Сяо Юань.

— Да, — сказал Юн Хуань. — Она никогда не хотела признать, что ей не хватает таланта.

— Вы упомянули, что Ша Чунь зарабатывала деньги вне Ассоциации, — сказал Сяо Юань, меняя тему разговора. — Вы знаете, чем она занималась?

Юн Хуань кивнула.

— Она преподавала в тренировочной школе Цзяньцзя Байлу. Ей не требовалось много стараться, чтобы получить эту работу.

***

Выйдя из Ассоциации исполнительских искусств, Минг Шу направился прямо к дому Ша Чунь в районе Цзячуань.

В последние годы цены на недвижимость в городе Донгье резко выросли. Вполне вероятно, что Ша Чунь с трудом сводила концы с концами. Ее квартира с двумя спальнями и одной гостиной была оформлена очень и очень скудно. В гостиной не было ни дивана, ни журнального столика. Там был только стол и несколько пластиковых табуреток. Вся квартира выглядела полупустой.

В спальне не было кровати. Вместо нее была установлена походная палатка. Внутри палатки Минг Шу обнаружил тонкий футон, бамбуковый спальный коврик и несколько покрывал. Снаружи палатки у стены стояли два одинаковых шкафа.

— Это странно, — сказал Фан Юаньхан. — Такая палатка на самом деле не дешевая. Она может быть даже дороже кровати. Если бы Ша Чунь была стеснена в средствах, она могла бы купить простой каркас кровати и матрас. Эта палатка гораздо более хлопотная, и она не смогла бы сэкономить много денег.

— Возможно, она решила спать в палатке не ради экономии денег, — сказал Минг Шу.

— Тогда почему? — спросил Фан Юаньхан. — Оглядевшись вокруг, можно сказать, что у Ша Чунь не было много денег.

— Ты только что сказал, что эта палатка не из дешевых, — сказал Минг Шу.

Он наклонился и заглянул в палатку. Внутри была гирлянда сказочных огоньков и небольшая книжная полка.

— Ша Чунь явно поставила такую палатку, потому что она ей понравилась. Ей нравилось лежать внутри. Для нее это было похоже на маленькое, закрытое убежище. Это был ее мирный, романтический маленький мир.

Фан Юаньхань покрылся мурашками.

— Шеф, вы взрослый, один и восемь с чем-то метров человек...

Минг Шу встал.

— Хм?

— Откуда у вас эти фантазии принцессы?! — воскликнул Фан Юаньхань.

Минг Шу пнул его.

Другая спальня была звукоизолирована и превращена в место для репетиций. По всей комнате были расставлены различные инструменты — гучжэн, гуцинь, эрху и пипа, а также аудиовизуальное оборудование для записи.

По сравнению с почти голыми гостиной и спальней, эта репетиционная комната была просто роскошной.

— Она записывала свои собственные репетиции? — размышлял Минг Шу, слегка подтолкнув гучжэн.

Фан Юаньхань открыл простой шкаф в другой комнате.

— Шеф, здесь куча костюмов для выступлений.

Поручив техническим следователям проверить компьютер Ша Чунь, Минг Шу вернулся в спальню, чтобы встретиться с Фан Юаньханем. Один из шкафов в этой комнате содержал повседневную одежду, а другой был предназначен исключительно под одежду для выступлений.

— Вообще говоря, одежду для выступлений нужно оставлять в офисе, — размышлял Минг Шу,

доставая один наряд. — Если только артист не отправляется на очередное выступление из дома.

— Но здесь слишком много всего, — сказал Фан Юаньхан. — Как будто она сама их купила.

Задолго до прихода Минг Шу и остальных, Сяо Ман и команда по обнаружению следов тщательно прочесали дом. Кроме Ша Чунь, никто не оставил в квартире ни следов ног, ни отпечатков пальцев, ни волос.

— Ша Чунь вела совершенно уединенную, никем не нарушаемую жизнь. После работы она погружалась в свой личный мир, — сказал Минг Шу.

Он прошел на кухню и открыл холодильник, который был очень чистым и опрятным. Никаких неприятных запахов не было. Внутри Минг Шу увидел йогурт, молоко, сидр, яблоки и нераспечатанный набор средств по уходу за кожей Lancôme.

— Ей явно нравилось такое уединение.

Фан Юаньхань достал молоко и йогурт, чтобы рассмотреть их поближе.

— Шеф, дата производства — 22 августа.

— Перед тем как ее убили, Ша Чунь покупала продукты, — сказал Минг Шу. Ему вдруг показалось, что в их расследовании возникло противоречие. — Казалось, она все еще планировала свое будущее, не подозревая о подстерегающей ее опасности. Но ее действия в ночь убийства были крайне странными, как будто она создавала прикрытие для своего убийцы.

Почему она охотно встретилась со своим убийцей? Был ли убийца тем, кого она хорошо знала? Она ожидала, что этот человек причинит ей вред?

Один из технических следователей позвал из другой комнаты:

— Капитан Минг, Ша Чунь была создателем контента.

— Что? — Минг Шу был настолько поглощен своими мыслями, что не расслышал в первый раз.

— Создатели контента загружают свои работы в интернет, — сказал Фан Юаньхан. — Они делают видео для сайтов видеохостинга или записывают музыку для музыкальных потоковых платформ.

Минг Шу был знаком с этой концепцией. Он вернулся в репетиционный зал, где техник-

следователь уже загрузил одно из видео Ша Чунь.

На видео Ша Чунь не показывала своего лица. Она играла на гучжэне в легком наряде из белого муслина, который выглядел почти неземным.

— Не могла же Ша Чунь враждовать с кем-то в Интернете? — размышлял Фан Юаньхан.

— Убийство из-за интернет-вражды? — спросил Минг Шу.

В последние годы убийства на почве интернет-вражды становились все более распространенными. Но по сравнению с убийствами из-за обид в реальном мире, убийства из-за споров в Интернете были все еще редкостью. Такие случаи мести в Интернете просто помещались под микроскоп, что приковывало к ним повышенное внимание общественности. В глазах общественности родилось заблуждение — люди были склонны думать, что убийства из-за интернет-оскорблений происходят гораздо чаще, чем это было на самом деле.

В действительности убийства на почве интернет-оскорблений были ограничены многими факторами. Во-первых, получить личную информацию о жертве зачастую было непросто. Во-вторых, разница местоположения, как правило, тоже являлось серьезным фактором. Если убийца и жертва находились в одном городе, то это облегчало задачу убийце. Но если один находился на северо-востоке, а другой — на юго-западе, и между ними была целая страна, то путешествовать, чтобы отомстить, было не под силу обычному человеку.

Фан Юаньхан еще некоторое время смотрел видео.

— Ша Чунь так и не показала своего лица, — заметил он. — И мы уже знаем, что никто не посещал ее дом. Если только она не писала этого сама в сети, скорее всего, никто не мог ее опознать.

Минг Шу был еще более внимателен, чем Фан Юаньхан.

— Онлайн обиды обычно делятся на две большие категории, — сказал он. — Первая — обе стороны недолюбливают друг друга и часто ссорятся. Такая вражда распространена в игровых и политических кругах. Вторая — один человек становится мишенью для того, кто завидует или ненавидит его односторонне. Такого рода злые намерения часто направлены на человека, обладающего определенной степенью известности или славы.

— Теперь давайте рассмотрим Ша Чунь. Она — создатель контента, но посмотрите на ее последнее видео — оно было загружено в январе этого года. Прошло более полугода, а она получила всего тридцать просмотров. Ни одного комментария. И никаких лайков.

Техник-следователь быстро перешел на главную страницу канала Ша Чунь, где отображались все ее видео. Она загрузила свое первое видео три года назад, и с тех пор выложила их более

двухсот. У нее было всего семь подписчиков, а ее самое популярное видео набрало всего семьдесят два просмотра.

— Похоже, что это просто ее хобби. Кто может завидовать ей настолько, чтобы желать зла? — спросил Минг Шу. — Зрителям было бы трудно узнать ее, даже если бы они захотели.

Фан Юаньхан нахмурился и задумался.

— Минуту назад я подумал, не является ли Ша Чунь каким-нибудь суперпопулярным создателем контента, — сказал он. — Ее оборудование настолько профессиональное, у нее даже шкаф полон одежды для выступлений. Но у нее почти нет просмотров. Трудно поверить, что она продолжала заниматься этим в течение трех лет. Доказывает ли это, что у нее действительно нет большого природного таланта?

Хотя вероятность того, что Ша Чунь пострадает из-за ссоры в Интернете, была невелика, Минг Шу не мог закрыть глаза на эту деталь. Поскольку они обнаружили ее деятельность в качестве создателя контента, он приказал группе технического расследования проверить все сообщения с ее различных аккаунтов в социальных сетях.

Как раз в это время позвонил Сяо Юань.

— Директор Сяо, — поприветствовал Минг Шу.

Поскольку рядом было так много зрителей, он взял правильный и профессиональный тон.

— Где ты? — спросил Сяо Юань.

— В районе Цзячуань, — честно ответил Минг Шу. — Мы нашли кое-что, что может считаться подсказкой, а может и не считаться.

— Хорошо. Давайте обсудим это вместе, когда вы вернетесь, — сказал Сяо Юань. — А сейчас отправляйтесь в Цзяньцзя Байлу. Используйте свой GPS, это недалеко от Цзячуань.

Минг Шу сразу все понял.

— Это там, где Ша Чунь подрабатывала?

— Да. Действуй по своему усмотрению, когда приедешь туда.

Полное название Цзяньцзя Байлу было "Центр изучения традиционной культуры Цзяньцзя Байлу". Название звучало довольно официально, но на самом деле это был просто ряд

семинаров, проводимых в жилом доме.

В последние годы традиционная культура стала чем-то вроде причуды среди молодежи. Традиционная музыка часто становилась вирусной в Интернете. Во время этого увлечения появилось множество обществ ханфу, классов этикета и мастер-классов по игре на традиционных инструментах. Организации с большим финансированием могли арендовать помещение в соответствующем офисном здании, но большинство просто снимали комнату в жилом доме и вывешивали вывеску с рекламой своих занятий. Но даже такие халтурные мастерские могли привлечь достаточно большое количество учеников.

Когда Минг Шу пришел в Цзяньцзя Байлу, три ученика средней школы брали уроки каллиграфии у молодого человека. Еще дальше внутри раздавался шум разноголосой музыки пипы и эрху.

Администратор приняла Минг Шу за будущего ученика и тепло поприветствовала его, подав чашку травяного чая.

— Вы здесь для уроков, господин? Или ищете курсы для своей девушки?

— Девушки? — с любопытством спросил Минг Шу.

Администратор улыбнулась:

— Большинство наших студентов — женщины.

Минг Шу не спешил раскрывать свою истинную сущность.

— О? И какие виды занятий вы предлагаете?

— Значит, вы спрашиваете для своей девушки? — подтвердила администратор. — Лучшие классы для девушек — это пипа, гучжэн, бамбуковая флейта и...

Тут Минг Шу прервал ее.

— Нет, я сам хочу брать уроки.

Глаза администратора засияли.

— Ах, конечно. Какой инструмент вас интересует, сэр?

Минг Шу направился в комнату, из которой доносилась музыка.

— Могу я осмотреться?

— О, конечно. — Администратор поспешила за ним, чтобы проводить.

Квартира была построена как жилое помещение. Прихожая и гостиная были выложены плиткой, а во внутренних комнатах и коридорах были полы из твердых пород дерева. Высокие каблуки администратора звонко цокали по половицам.

Минг Шу подсознательно поднял глаза к потолку. Казалось, множество людей приходили и уходили отсюда каждый день. Если бы соседи снизу не могли смириться с таким интенсивным пешеходным движением, они, скорее всего, уже подали бы жалобу в управление недвижимостью.

Звуки музыки, доносящиеся из каждой комнаты, тоже, наверное, доставляли неудобства.

Перед тем, как зайти в эту квартиру, Минг Шу навел справки о здании. Большинство людей, которые там жили, были постояльцами. Это был не тот жилой дом, который уже был полностью переоборудован в рабочее помещение.

— Это наш класс для занятий пипа, — сказала администратор, открывая одну дверь.

Учительница, которой на вид было около двадцати лет, в данный момент проводила индивидуальный урок для девочки с хвостиком.

Администратор назвала это "классной комнатой", но на самом деле это была просто небольшая спальня.

Минг Шу улыбнулся и одобрительно хмыкнул.

Администратор открыла другую дверь.

— Это наш класс эрху. Если вы хотите изучать какой-то инструмент, я бы рекомендовала эрху.

— Почему? — спросил Минг Шу.

— Здесь довольно много мальчиков, обучающихся игре на эрху, — ответила она.

Минг Шу заметил в ее глазах нотку неестественности.

— Это единственная причина?

— Ну... — Администратор сдвинулась с места, казалось, смутившись. — По правде говоря, мы открыты всего несколько месяцев. Мы рекламируем занятия по всем традиционным инструментам, но у нас не хватает преподавателей. Например, гуцинь и сяо. Мы еще не нашли учителя для этих инструментов.

Минг Шу сложил руки.

— Понятно.

Чувствуя, что ее "клиент" теряет интерес, администратор быстро добавила:

— Но наши преподаватели пипы и эрху действительно могут превзойти их! Пипа отлично подходит для девочек, а эрху — для мальчиков. Сэр, почему бы вам не попробовать эрху?

Секретарше было около двадцати лет. Высокая, с красивым лицом. Но она была не самым сильным собеседником и, казалось, была склонна дуться и бросать кокетливые взгляды на клиентов-мужчин.

Минг Шу сделал шаг назад.

— Я видел декоративный гучжэн в холле, — сказал он. — И ваша реклама на улице также подчеркивает ваш курс гучжэна. Я полагаю, это ваша специализация?

— Сэр, вы такой умный! — похвалила секретарша, хлопая глазами.

— Я бы хотел записаться на курсы гучжэна, — сказал Минг Шу. — Есть ли учитель, которого вы могли бы порекомендовать?

— Ах, это... — Секретарша снова запнулась. Ее подбородок задрожал. — Вообще-то, гучжэн совсем не подходит мужчинам.

В голове Минг Шу промелькнул образ Сяо Юаня, играющего на гучжэне. Он улыбнулся и настаивал:

— Но я бы хотел научиться играть на гучжэне.

— Я... я посмотрю. — Секретарша поспешила вернуться к своему компьютеру. Она подвигала мышкой и немного поклацала по клавиатуре, прежде чем неохотно сказала: — Мне очень жаль, сэр. Но ни один из наших преподавателей гучжэна сейчас не свободен.

— Какой позор, — сказал Минг Шу. — Я слышал, что здесь работала учительница игры на

гучжэне по имени Ша Чунь...

Не успел он договорить, как Минг Шу увидел что-то краем глаза. Правая рука молодого человека, преподававшего каллиграфию в гостиной, внезапно замерла.

Это было очень маленькое движение, но так получилось, что оно попало в поле зрения Минг Шу.

Капля туши упала с кончика кисти учителя и разбилась о лист бумаги. Учитель быстро оторвал лист и свернул его в клубок.

Один из учеников невинно заметил:

— Учитель Линь, у тебя тоже дрожит рука!

Учитель бросил на Минг Шу нервный взгляд, но увидел, что Минг Шу смотрит на него в ответ. Он быстро отвел взгляд и тихо сказал ученику:

— Учитель просто немного отвлекся.

— Мой друг сказал, — продолжил Минг Шу, продолжая начатое, — что Ша Чунь — профессиональный музыкант из Ассоциации исполнительских искусств. Я пришел, потому что подумал, что это впечатляет.

Похоже, администратор ничего не знала об убийстве Ша Чунь.

— Учитель Ша Чунь действительно наш лучший инструктор по гучжэну, — честно ответила она. — Но она очень занята, и не может приходить каждый день. Вчера вечером у нее было занятие, но она не пришла. Для вас, сэр, я бы все же рекомендовала...

В этот момент в коридоре слышались торопливые шаги. Вошла женщина лет тридцати.

Минг Шу отступил с ее пути.

Женщина, которая только что пришла, тут же начала говорить с администратором.

— Свяжитесь со всеми, кто брал уроки у Ша Чунь, — сказала она. — Скажите им, что Ша Чунь уехала учиться за границу. Мы найдем замену для ее учеников.

— А? — Администратор была слишком ошеломлена, чтобы сразу отреагировать. Подсознательно она посмотрела на Минг Шу. — Этот господин только что спрашивал о...

— Вы здесь начальник? — спросил Минг Шу.

Выражение лица женщины было весьма внушительным.

— Вы?

Минг Шу достал свой значок.

Женщина резко вдохнула.

— Раз вы так торопитесь назначить учеников Ша Чунь новому учителю, полагаю, вы уже знаете, что произошло, — сказал Минг Шу. — Давайте найдем свободную комнату и побеседуем, хорошо?

<http://bllate.org/book/14859/1321914>